

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2026-2-40-46>

Эволюция доказательств от Судебной реформы к советской системе: историко-правовой анализ

Г. В. Гусева

кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры теории и истории государства и права
Байкальского государственного университета
Адрес: ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет»,
664003, г. Иркутск, ул. Ленина, д. 11.
E-mail: galiguseva@yandex.ru

The Evolution of Evidence from the Judicial Reform to the Soviet System: A Historical and Legal Analysis

G. V. Guseva

PhD in Economics, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of
Baikal State University
Address: Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
«Baikal State University»,
11 Lenin str., Irkutsk, 664003, Russian Federation.
E-mail: galiguseva@yandex.ru

Поступила 16.03.2026 Принята к печати 30.03.2026

Аннотация

Настоящая научная статья является третьей в цикле исследований, посвященных эволюции института процессуально-правовых средств доказывания в историко-правовом контексте. Работа охватывает период с 1864 г. по 1991 г., который предлагается разделить на три ключевых этапа: пореформенный (1864–1917 гг.), раннесоветский (1917 – конец 1930-х гг.) и позднесоветский (1940-е – 1991 гг.). Предметом исследования выступают процессуально-правовые средства доказывания, применяемые в российском судопроизводстве, а также закономерности их развития, трансформации и нормативного закрепления в рассматриваемый период. В рамках предмета анализируются принципы оценки доказательств, система видов доказательств, процессуальный статус участников доказывания и их эволюция под влиянием Судебной реформы 1864 г., революционных преобразований и советской кодификации. В статье производится анализ трансформации принципов и средств доказывания в результате Судебной реформы 1864 г., приведшей к утверждению состязательности и свободной оценки доказательств, а также последующей их радикальной перестройки в рамках советской социалистической модели правосудия. Исследуются основные нормативные акты эпохи: Уставы уголовного и гражданского судопроизводства 1864 г., первые советские декреты о суде, УПК и ГПК РСФСР 1922–1923 гг., Основы уголовного судопроизводства 1958 г. и УПК РСФСР 1960 г. Выделяется диалектическое развитие: отказ от формализма и переход к материальной истине в пореформенный период, сменяемый этапом революционного упрощения и политизации доказывания, и последующая частичная реституция процессуальных гарантий в условиях позднего СССР. В исследовании использованы общенаучные методы познания (анализ, обобщение, синтез) и частнонаучные методы (историко-правовой, сравнительно-правовой, формально-юридический). Делается вывод о том, что советская система доказывания, несмотря на декларирование принципа объективной истины, на практике часто подчинялась идеологическим императивам, что создавало внутренние противоречия и ограничивало реализацию провозглашенных правовых идеалов.

Ключевые слова: средства доказывания, доказательства, принципы доказывания, Судебная реформа 1864 г., состязательный процесс, состязательная модель, свободная оценка доказательств, советский уголовный процесс, теория судебных доказательств, объективная истина, Устав уголовного судопроизводства, УПК РСФСР, кодификация, советская система, социалистическая модель.

Abstract

This scientific article is the third in a series of studies devoted to the evolution of the institution of procedural and legal means of proof in the historical and legal context. The work covers the period from 1864 to 1991, which is proposed to be divided into three key stages: the Post-reform period (1864–1917), the Early Soviet period (1917–late 1930s) and the Late Soviet period (1940s–1991). The subject of the study is the procedural and legal means of proof used in Russian legal proceedings, as well as the patterns of their development, transformation and normative consolidation in the period under review. The subject analyzes the principles of evidence assessment, the system of types of evidence, the procedural status of participants in evidence and their evolution under the influence of the Judicial Reform of 1864, revolutionary transformations and Soviet codification. The article analyzes the transformation of the principles and means of proof as a result of the Judicial Reform of 1864, which led to the establishment of adversarial and free evaluation of evidence, as well as their subsequent radical restructuring within the framework of the Soviet socialist model of justice. The main normative acts of the era are studied: The Charters of Criminal and Civil Proceedings of 1864, the first Soviet decrees on the court, the CPC and CPC of the RSFSR of 1922–1923, the Fundamentals of Criminal Proceedings of 1958 and the CPC of the RSFSR of 1960. The dialectical development is highlighted: the rejection of formalism and the transition to material truth in the post-reform period, followed by a stage of revolutionary simplification and politicization of evidence, and the subsequent partial restitution of procedural guarantees in the conditions of the late USSR. The research uses general scientific methods of cognition (analysis, generalization, synthesis) and private scientific methods (historical-legal, comparative-legal, formal-legal). It is concluded that the Soviet system of evidence, despite declaring the principle of objective truth, in practice often obeyed ideological imperatives, which created internal contradictions and limited the implementation of the proclaimed legal ideals.

Keywords: means of proof, evidence, principles of proof, Judicial reform of 1864, adversarial process, adversarial model, free evaluation of evidence, Soviet criminal procedure, theory of judicial evidence, objective truth, Statute of Criminal Procedure, Code of Criminal Procedure of the RSFSR, codification, Soviet system, socialist model.

Данная научная работа продолжает цикл статей, посвященных анализу развития института процессуально-правовых средств доказывания в историко-правовом контексте [4, 5]. Как было обозначено ранее, эволюция доказательств в России предлагается к рассмотрению через призму четырех исторических периодов, третьим из которых является этап «от Судебной реформы к советской системе (1864–1991 гг.)». Изучение этого периода представляет особый интерес, поскольку он демонстрирует кардинальную смену парадигмы – отказ от многовековых инквизиционных начал и попытку построения новой, состязательной модели, которая впоследствии была трансформирована под влиянием социалистической идеологии. Кроме того, внимательное изучение особенностей и трансформации существующих средств доказывания в XIX–XX вв. позволяет сформировать общую картину их дальнейшего развития и приступить к анализу современных реалий. Целью настоящей статьи является историко-правовой анализ эволюции принципов и средств доказывания на протяжении указанного периода, выявление ключевых факторов и противоречий этого развития.

Период 1864–1991 гг., несмотря на кажущуюся монолитность «эпохи кодифицированного процес-

са», внутренне глубоко противоречив. Его необходимо рассматривать детально, отталкиваясь от наиболее значимых исторических событий. Предлагается разделить рассматриваемый период на три этапа, каждый из которых ознаменован собственным подходом к целям и средствам судебного познания (см. рис. 1.)

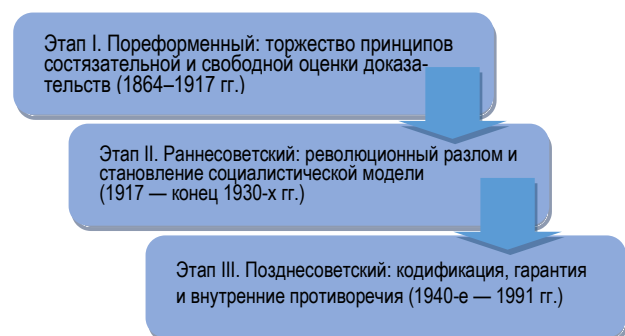

Рис.1. Этапы развития системы доказательств в правовых актах в отечественной истории в XIX–XX вв.

Этап I. Пореформенный: торжество принципов состязательной и свободной оценки доказательств (1864–1917 гг.)

К середине XIX в. судебная система претерпела глубокий, всесторонний кризис. Преимущественно кризис проявлялся в чрезмерной бюрократизации и волоките, в нехватке профессиона-

лов, в скрытости и произволе, в сословном характере судов, и, что принципиально важно, в устаревшей системе доказательств. Реакцией на кризис стала Судебная реформа 1864 г., которая охватила всю судебную систему, кардинально изменив принципы судопроизводства [9, – С. 21].

Ключевым итогом Судебной реформы 1864 г. стал кардинальный пересмотр самой философии судебного познания, выразившийся в переходе от розыскного процесса к состязательному. Это означало не просто смену процессуального регламента, а принципиально новое распределение ролей в доказывании. Процесс был четко разделен на две стадии: предварительное следствие, которое не только сохраняло некоторые формально-розыскные черты, но осуществлялось судебным следователем под надзором прокуратуры, и судебное разбирательство, построенное на началах устности, гласности и состязательности. По мнению ряда авторов, «среди стадий уголовного процесса обязательной являлась стадия предания суду, которая занимала промежуточное положение между предварительным следствием и судебным рассмотрением дела по существу» [3]. Так, впервые в истории российского правосудия функции обвинения, защиты и разрешения дела были не только разграничены, но и процессуально обеспечены.

Рябинина Т. К. и Козявин А.А отмечают, что «у реформы 1864 г. была стройная логическая структура, суть которой – уголовное преследование организационно не может корректировать объективное познание обстоятельств совершенного преступления и воздействовать на власть судебную. Отсюда возникает институт именно судебного следователя, пусть и с известными издержками, объективного и беспристрастного, которому, разумеется, можно доверить такую цель уголовного процесса, как достижение пресловутой объективной истины по делу» [8].

Еще одним серьезным нововведением реформы в сфере правосудия стала присяжная адвокатура. По мнению Бирюшкиной Н.И., «именно адвокаты пореформенной России становятся решительными защитниками принципов устности, гласности, состязательности, обеспечивая право подсудимого на квалифицированную юридическую защиту в суде» [1]. Появление профессиональной и независимой адвокатуры стало необходимым условием для реализации состязательной модели, поскольку именно защита получила реальную

возможность представлять доказательства и оспаривать доводы обвинения.

В русле этих изменений произошло существенное расширение и переосмысление системы средств доказывания. Устав уголовного судопроизводства 1864 г. и Устав гражданского судопроизводства детально регламентировали виды доказательств, отказавшись от их иерархии по заранее установленной силе. Закон в равной степени признавал доказательственное значение показаний подсудимого, свидетелей, вещественных и письменных доказательств. Особое значение приобрел институт «сведущих людей» – прообраз современной экспертизы, чье заключение теперь имело четкий процессуальный статус и подлежало оценке наравне с иными доказательствами. Признание обвиняемым своей вины утратило прежний сакральный статус «царицы доказательств»: оно больше не предопределяло приговор, а подлежало проверке и оценке в совокупности с другими материалами дела. Тем самым законодатель стремился исключить ситуацию, при которой признание, зачастую добытое непроцессуальными методами, автоматически влекло осуждение.

Наиболее полным воплощением новых принципов оценки доказательств стал суд присяжных. Именно присяжным заседателям, решающим вопрос о факте, законодатель доверил оценивать доказательства по внутреннему убеждению, без какого-либо формального предписания о том, что следует считать достаточным для обвинения. Вердикт присяжных, основанный на их житейском опыте и совести, не подлежал формальной проверке вышестоящими инстанциями с точки зрения достаточности доказательной базы, что стало высшим выражением доверия законодателя к свободной оценке доказательств. Это нововведение окончательно разорвало с многовековой традицией формализма, перенесло центр тяжести с арифметического подсчета улик на внутреннее осмысление.

Наконец, реформа стимулировала бурное развитие отечественной теории доказательств. В трудах таких корифеев процессуальной науки, как И. Я. Фойницкий, С. И. Викторский, В. К. Случевский, получила развитие теория, основанная на логике, психологии и необходимости установления материальной (объективной) истины по делу. Ученые-процессуалисты пореформенного периода не просто комментировали новое законодательство, но и закладывали фундамент научного понимания доказывания как сложного познава-

тельного процесса, в котором форма не довлеет над содержанием, а служит инструментом достижения справедливости. Созданная ими теоретическая база во многом предвосхитила и до сих пор питает развитие российской доказательной деятельности.

Так, на данном этапе сформировалась новая модель доказывания, которая была основана на состязательности, свободной оценке доказательств и процессуальном равенстве сторон. В основе новой модели лежал переход к принципу свободной оценки доказательств внутренним убеждением судьи и отказ от установленной ранее юридической силы доказательств¹.

Данный этап заложил фундамент современной российской теории доказательств, основанной на принципах состязательности, непосредственности и свободной оценки, несмотря на сохранившиеся пережитки, в числе которых неравенство сторон на предварительном следствии, отсутствие полноценной защиты, сохранение некоторых сословных элементов и др. Кроме того начал применяться принцип презумпции невиновности, который отсутствовал до Судебной реформы 1864 г. [1, – С.103]

Климанов А.Ю. в своем исследовании подчеркивает, что Судебная реформа 1864 г., проведенная в период правления Александра II, провозгласила и реализовала ключевые принципы правосудия, такие как несменяемость судей, гласность, состязательность и равенство всех перед законом. Кроме того, главные буржуазные принципы судебной реформы заключались в отделении судебной власти от административной на основе принципа разделения властей, введении принципа всесословности суда, невозможности осуждения человека без приговора суда [7].

Так, Судебная реформа 1864 г. ознаменовала кардинальный разрыв с теорией формальных доказательств, утвердив принципы состязательности и свободной оценки по внутреннему убеждению. Это позволило создать теоретически и законодательно проработанную систему доказывания, ориентированную на установление материальной истины.

Этап II. Раннесоветский: революционный разлом и становление социалистической модели (1917 – конец 1930-х гг.)

Октябрьская революция 1917 г. ознаменовала собой не просто смену политической власти, но и тотальный разрыв с предшествующей правовой традицией. В соответствии с новой идеологией, старая судебная система, включая ее демократические завоевания, подлежала радикальным изменениям. Декреты о суде №1, 2 и 3 (1917–1918 гг.) упразднили действие дореволюционных законов и ликвидировали прежние процессуальные формы, включая институты мировой юстиции, присяжных поверенных и прокурорского надзора в их классическом виде. На смену формализованному правосудию пришел период, который вошел в историю как эпоха революционного правосознания и судейского усмотрения, не ограниченного нормами законов. Начался процесс, который сами большевики называли «упрощением» судопроизводства, но который по своей сути означал пересмотр процессуальных гарантий.

Характерной чертой раннесоветского этапа стал решительный отказ от формальностей, воспринимавшихся как «буржуазные предрассудки». Принцип состязательности, столь тщательно выстроенный реформой 1864 г., был объявлен устаревшим и ненужным, так как, согласно классовому подходу, интересы пролетариата требовали не состязания сторон, а быстрого и неотвратимого возмездия. На первый план вышли задачи классовой борьбы и революционной целесообразности, которые ставились выше любых процессуальных норм. Суд превратился в орган, действующий не столько на основании закона, сколько исходя из «правосознания» судей.

Вместе с тем, по мере укрепления советской власти потребовалась некоторая унификация судопроизводства. Принятие Уголовно-процессуальных кодексов РСФСР 1922² и 1923 гг.³ стало шагом к возврату формальной регламентации. Однако эти кодексы, формально сохраняя отдельные состязательные элементы (например, участие обвинения и защиты в судебном заседании), по своей сути закрепили возврат к публично-розыскным началам, но уже в новой форме. Центральным принципом стал принцип объективной истины, сформулированный как обязанность суда, прокурора и следователя всесторонне, полно и объективно исследовать все обстоятельства

² Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1922 г. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/901757376>

³ Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1923 г. – URL: <http://museumreforms.ru/node/13986>

¹ Устав уголовного судопроизводства. – URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/>

дела, независимо от позиции сторон (ст. 112 УПК 1923 г.). Это предписание, на первый взгляд, прогрессивное, на практике означало возложение на суд несвойственной ему в состязательном процессе функции по сбору доказательств, что в условиях отсутствия реальной защиты делало такую деятельность, в сущности, продолжением обвинения. Закон требовал от суда не столько беспристрастного арбитража, сколько активного поиска улик, подтверждающих или опровергающих обвинение, но в условиях классовой юстиции этот поиск чаще всего имел обвинительную направленность.

Параллельно с формализацией шла глубокая идеологизация процесса. Постепенная регламентация процедур сопровождалась подменой правовых категорий классовыми. Показания свидетелей, например, предписывалось оценивать с учетом их социального происхождения, партийной принадлежности и лояльности новой власти. Интерес вызывает появление главы VIII «Дознание» в УПК 1922 г., в соответствии с которой материалы произведенного дознания по преступлениям небольшой тяжести могли направляться, минуя прокурора, в суд. Это положение, в сущности, закрепило идею о придании протоколам дознания статуса доказательств, которая выдвигалась еще в дореволюционной юриспруденции [2, – С. 441]. Возросла роль письменных материалов предварительного расследования. Следователь, являвшийся частью карательного аппарата, фактически предreshал исход дела, а суд зачастую лишь формально утверждал составленные им документы. Однако в ст. 139 УПК РСФСР 1922 г. было установлено, что следователь не имеет права домогаться показания или сознания обвиняемого путем насилия, угроз и других подобных мер [10].

Апогеем деградации процессуальных начал стали 1930-е годы, особенно период массовых политических репрессий. В это время процессуальные гарантии, и без того уже довольно слабые, были фактически полностью ликвидированы. Широкое распространение получили внесудебные органы – знаменитые «тройки» НКВД, которые выносили приговоры без вызова обвиняемого, без участия защиты, без какого-либо судебного следствия и исследования доказательств. Само понятие процесса доказывания было подменено упрощенной процедурой «оформления» уже предreshенного обвинения. В этих условиях признание обвиняемого вновь обрело статус «ца-

рицы доказательств», как это было в эпоху инквизиционного процесса, и добывалось любыми средствами, включая пытки и психологическое давление. Собственное признание, которое дореволюционная теория считала лишь одним из рядовых доказательств, стало достаточным и почти бесспорным основанием для приговора.

Таким образом раннесоветский этап (1917 – конец 1930-х гг.) характеризуется упрощением процессуальной формы и подчинением доказывания задачам классовой борьбы.

Этап III. Позднесоветский: кодификация, гарантии и внутренние противоречия (1940-е – 1991 гг.)

Данный период стоит связывать с принятием Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик 1958 г. и Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1960 г., так как ключевым достижением этого этапа стала системная кодификация доказательного права. Впервые на законодательном уровне была детально прописана теория судебных доказательств: дано легальное определение доказательства, закреплён исчерпывающий перечень средств доказывания, к которым относились показания свидетелей, потерпевших, подозреваемых, обвиняемых, заключения экспертов, вещественные доказательства, протоколы следственных и судебных действий и иные документы (ст. 69 УПК РСФСР 1960 г.). Закон подробно регламентировал процессуальные формы собирания, проверки и оценки доказательств, что должно было обеспечить единообразие следственной и судебной практики. Кроме того, на данном этапе укрепились попытки максимально упростить процесс собирания доказательств по уголовным делам [6, – С. 527].

Одновременно произошло значительное усиление процессуальных гарантий. В ст. 13 Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик 1958 г. предусматривалась защита прав обвиняемого, а затем в УПК РСФСР была закреплена презумпция невиновности. Закон так же гарантировал обвиняемому право на защиту, провозгласил принципы гласности судебного разбирательства и устности процесса.

В соответствии со ст. 74 УПК РСФСР, оценка доказательств осуществлялась судьей на основе внутреннего убеждения, основанного на полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств. Доказательства уже не имели заранее установ-

ленную ценность, в связи с чем судья должен был рассматривать их комплексно и всесторонне.

Важно подчеркнуть, что методологической основой процесса выступал принцип объективной истины, возлагавший на суд, следствие и прокуратуру обязанность по активному восполнению пробелов в материалах дела. Это придавало процессу черты инквизиционности: суд не сохранял нейтралитет, а выступал активным субъектом доказывания.

Однако правоприменительная практика противоречила теории. Это противоречие определялось тремя факторами: законодательно закреплённая цель установления истины; идеологический императив защиты государства (что очевидно принижало права личности) и обвинительный уклон. Активность суда, задуманная как инструмент поиска истины, на практике нередко трансформировалась в выполнение функций обвинения.

Таким образом, следует признать, что несмотря на прогрессивную кодификацию и расширение процессуальных гарантий, советская модель доказывания конца XX в. сохраняла признаки тоталитаризма.

В целом рассматриваемый в данном исследовании период демонстрирует сложную эволюцию: от либеральной модели через упрощение к стабильной, но внутренне противоречивой советской системе. Этот исторический опыт подтверждает, что эффективность института доказывания напрямую зависит от реального, а не декларативного обеспечения прав личности и независимости суда.

Подытожим комплексный историко-правовой анализ института процессуально-правовых средств доказывания в рассматриваемый период (1864–1991 гг.):

1) Выявлена связь между пореформенной моделью (свободная оценка, состязательность)

и ее последующей трансформацией в советский период, что позволяет преодолеть фрагментарность в изучении рассматриваемой проблематики.

2) Установлено существенное внутреннее противоречие советской системы доказывания: между декларируемым принципом объективной истины, научным подходом к теории доказательств

и практикой идеологизированного правосудия с доминированием обвинительного уклона.

3) Обоснован тезис о том, что развитие средств доказывания в указанный период неразрывно связано с типом политического режима и местом суда в государственном механизме, что позволяет рассматривать историю доказывания как индикатор состояния правовой системы в целом.

Таким образом, период с 1864 г. до 1991 г. в истории института процессуально-правовых средств доказывания в России является крайне непростым. Судебная реформа 1864 г. совершила прорыв к состязательной модели и свободной оценке доказательств. Советская власть, отбросив «буржуазный формализм», провозгласила принцип объективной истины, но на практике подчинила процесс доказывания государственным задачам. Позднесоветская кодификация создала внешне гарантированную законом систему, однако ее реализация была ограничена существовавшим политическим режимом. Этот исторический опыт наглядно демонстрирует, что развитие процессуальных средств доказывания неразрывно связано с общим состоянием правовой системы, принципом разделения властей и местом суда в государстве. Дальнейшая эволюция в условиях цифровой трансформации, начавшаяся после 1991 г., унаследовала как достижения, так и глубинные противоречия в этой сложной исторической традиции.

Список литературы

1. Биюшкина Н. И. Принципы правосудия по судебной реформе 1864 г. в Российской Империи // Юридическая техника. – 2020. – № 14. – С. 102–105.
2. Верецагина А. В. Доказательства и доказывание: законодательная техника уголовно-процессуальных законов Республики Молдовы и Российской Федерации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2024. – Т. 28, № 2. – С. 436–453.
3. Горбачев В. П. Прокурор как субъект предания обвиняемых суду после судебной реформы 1864 г. в Российской империи // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2024. – № 1 (56). – С. 199–207.

4. Гусева Г. В. Эволюция доказательств в эпоху архаичных форм правосудия: историко-правовой анализ // Образование и право. – 2025. – № 6. – С. 312–316.
5. Гусева Г. В. Эволюция доказательств в эпоху становления формализма: историко-правовой анализ // Образование и право. – 2025. – № 7. – С. 614–619.
6. Ишигеев В. С., Парфиненко И. П. Человеческий фактор и его роль в раскрытии и расследовании преступлений // Baikal Research Journal. – 2025. – Т. 16, № 2. – С. 525–531.
7. Климанов А. Ю. Из отечественной истории реформирования судебной системы: судебная реформа 1864 г. // Вестник Международного института экономики и права. – 2017. – № 1(26). – С. 123–130.
8. Рябинина Т. К., Козявин А. А. Итоги судебных реформ в России XIX и XXI веках и их роль в решении проблем пределов судебного разбирательства в уголовном процессе // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2015. – Т. 6, № 1. – С. 190–196.
9. Сафаргалина Ю. Р. Некоторые вопросы судебной реформы 1864 г. в сравнении с судебной реформой конца XX - начала XXI веков // Вопросы российской юстиции. – 2025. – № 36. – С. 15-22.
10. Сорокин Г. В. Значение признания вины в российском уголовном судопроизводстве // Baikal Research Journal. – 2016. – Т. 7, № 5.